

Государственность на постсоветском пространстве

Научная статья
УДК 32.019.51
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133

Возвращение героя? Миллениалы: мобилизационная повестка в городах Сибири в 2020—2021 гг.

Юрий Александрович Пустовойт

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, pustovoyt1963@gmail.com

Аннотация. В центре внимания — проблема политического выбора российского поколения миллениалов, тех, кто родился после 1982 г. Согласно взглядам одних исследователей, эта когорта принципиально отличается от предыдущих своими политическими установками, так как ее юношеская социализация прошла в условиях относительного благополучия нулевых. Другие авторы делают акцент на том, что вертикальные институты власти, конструирующие общество, остались неизменными, и эти условия способствуют воспроизводству тех же поведенческих паттернов и характеристик, которые были присущи советскому человеку. На основе наблюдений, интервью, онлайн-исследований в сибирских городах, анализа хода избирательных кампаний, а также текстов и образов политиков в новогодних обращениях и предшествующих митингам полемиках в социальных сетях и на интернет-площадках («кейс 23 января») автор приходит к выводу о возможном изменении молодежной мобилизационной повестки в сторону большей эмоциональной выразительности, персонификации и сосредоточенности на настоящем. При этом политическую субъектность и конструирование властных отношений в первую очередь определяет место в системе власти, специфика региона (города) и только потом — принадлежность к тому или иному поколению.

Ключевые слова: поколения, бумеры, миллениалы, города, политическая повестка, городской режим, социальные сети, лидерство, протесты, Сибирь, идентичность

Для цитирования: Пустовойт Ю. А. Возвращение героя? Миллениалы: мобилизационная повестка в городах Сибири в 2020—2021 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 122—133. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133.

Statehood in the post-Soviet space

Original article

The return of the hero? Millennials: mobilization agenda in Siberian cities in 2020—2021

Yuri A. Pustovoyt

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, pustovoyt1963@gmail.com

Abstract. The focus of attention is the problem of political choice of the Russian generation of millennials, those born after 1982. According to the views of some researchers, this cohort differs fundamentally from the previous ones in its political attitudes, since its youthful socialization took place in the conditions of relative prosperity of the noughties.

Other authors (Y. Levada) emphasize that the vertical institutions of power that construct society have remained unchanged, and these conditions contribute to the reproduction of the same behavioral patterns and characteristics that were inherent in the Soviet person. Based on observations, interviews, online research in Siberian cities, analysis of the course of election campaigns, as well as texts and images of politicians in New Year's addresses and polemics preceding the rallies in social networks and on Internet platforms ("case of January 23"), the author concludes that the youth mobilization agenda may be changing towards greater emotional expressiveness, personification and focus on the present. At the same time, political subjectivity and the construction of power relations are primarily determined by the place in the system of power, the specifics of the region (city) and only then by belonging to a particular generation.

Keywords: generations, boomers, millennials, cities, political agenda, urban regime, social networks, leadership, protests, Siberia, identity

For citation: Pustovoyt Yu.A. Hero's return? Millennials: mobilization agenda in Siberian cities in 2020—2021. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):122—133. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133.

Введение

В течение ближайшего десятилетия ключевые позиции в институтах политической и экономической власти займут люди, чьи не только демографические, но и социально-культурные характеристики серьезно отличаются от бэкграунда сегодняшних носителей властных полномочий, т. е. от мировоззрения тех персон, решения которых и обеспечивают молодому корпусу возможность попадания в элитарные группы.

Как принадлежность к поколениям влияет на политические взгляды индивида и определяет избираемый им диапазон целей и средств в политике? Есть ли различия в нормах политического взаимодействия между политиками, чья юность пришлась на годы застоя и нулевые? Формируется ли специфическая поколенческая идентичность, более значимая для индивида, чем идеологическая, при принятии политических решений?

Предлагаемый здесь материал не претендует на полный и развернутый ответ на поставленные вопросы. Наша задача намного скромнее — наметить и апробировать пути исследования поставленных проблем, опираясь на опыт эмпирических наблюдений институциональной и протестной политической активности в онлайн- и офлайн-среде в городах Сибири в период с лета 2020 по март 2021 г.

Обзор научной литературы по проблеме поколений

В целом сторонники поколенческого подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Формирование характеристик поколения зависит от состояния институтов и выбора личных жизненных стратегий в момент юношеской социализации (18—25 лет), границы когорты обычно определяются 20-ю годами.

Наибольший интерес представляют работы, где описываются ценности, нормы, отношения и поведение поколения миллениалов (с 1982 г. р.) как лакмусовой возрастной группы. На это поколение возлагали надежды возврата к «Великой Америке» У. Штраус и Н. Хоу, обосновывая этот процесс цикличной сменой архетипов «странников» на «героев» [1]. Новое «Великое поколение побед» более толерантное, менее жестокое и не озабоченное сексуальными проблемами, создаст ту Америку, которая станет лидером в решении глобальных проблем. Миллениалы — не «продолжение» родителей, а принципиально новое поколение, ведущее здоровый, экологичный образ жизни и ориентированное на семейные ценности.

При изучении молодежных политических объединений Р. Милкман сделала близкие выводы о том, что политические активисты, «цифровые аборигены», несмотря на различия в социальных позициях, стратегии и такти-

ке политических действий, ориентированы на социальные изменения в области выравнивания классовых, половых и расовых различий, что объединяет их с левыми идеями начала XX в. [2].

Р. Инглхарт, исследуя процесс замещения ценностей каждым поколением и рассматривая культурную эволюцию как переход от ценностей выживания к ценностям самореализации, при анализе ситуации в России отмечает, что в 1991 г. наблюдался серьезный сдвиг в отношении ценностей постматериализма, но в результате реформ 1990-х гг. большинство населения вернулось к ценностям выживания. По данным 2008—2012 гг., соотношение материалистов и постматериалистов в России составляет 28 : 1. Для сравнения: в США это соотношение 1 : 2, в Швеции 1 : 5 [3, с. 96].

Другие исследователи, например Дж. Твенге, обращают внимание на то, что воспитание поколения миллениалов строилось на безусловной высокой самооценке ребенка, и это поколение — первое с самого рождения освоило комплексы цифровых технологий, радости и соблазны сетевого общения [4].

Н. П. Попов сопоставив характеристики российских и американских поколений, отмечает значимость традиций и принципов организации общественной жизни. По мнению автора, эти формальные и неформальные институты (для США — это либеральная демократия и расовое неравенство, для России — авторитаризм как элемент не только политической практики, но и массового сознания) имеют большее значение, чем разрывы между поколениями [5].

Другие исследователи обращают внимание на эмоциональные и экзистенциальные проблемы последнего советского поколения, их родителей [6] и на их стремление жить по высоким потребительским стандартам [7].

В исследовании В. Радаева сделан акцент на «социальном переломе» 2000-х гг., когда в условиях относительного благополучия у российской молодежи появилась возможность выбора собственного образа жизни, что и стало главной проблемой для самоопределения. Изобилие возможностей в условиях неопределенности, с одной стороны, создает психологическую проблему постоянной фрустрации вследствие страха ошибки, с другой — помещает область политической активности в одну из возможных и не всегда главных альтернатив жизненных проектов. В этом случае сложно найти некоторые общие темы с людьми старших возрастов, уверенными в верности избранного жизненного пути и значимости государственных решений при оценке собственного благополучия (но и неблагополучия). Ситуация приводит к межпоколенческому расколу, параллельному существованию, когда у представителей различных возрастных когорт нет общих тем для разговора. Новое поколение — действительно новое, и в их системе ценностей политика не играет особенной роли [8].

В своих последних работах Ю. Левада, напротив, утверждает, что в условиях закрытой вертикально интегрированной институциональной структуры, где нет постепенной преемственности и обновления власти, возникает проблема «беспамятства» молодых прагматиков, занимающих ключевые позиции, они лишены исторической памяти. «Это не новая молодежь, а всего лишь моложавая смена старой бюрократии, наследующая все черты и пороки своих предшественников. Они не обновляют обветшалые механизмы аппаратов управления, образования, науки и т. д., а встраиваются в них» [9, с. 684]. Причина, по его мнению, заключается в том, что все проекты модернизации (тоталитарный проект лишь один из них) инициировались вертикальными, осевыми конструирующими общество институтами. Периферийное закрытое общество, объединяемое вертикальными институтами власти, которые, по сути, не изменились, не имеет шансов на модернизацию [9, с. 41].

Теоретические основания и методы исследования

Логика исследования задана теорией интерактивных ритуалов, предложенной Р. Коллинзом, что помещает в первичный фокус внимания ситуацию на микроуровне. Ключевым понятием здесь выступает заимствованное им у И. Гофмана понятие ритуала как «сформированного взаимно сфокусированными эмоциями и вниманием механизма, который ежеминутно производит разделяемую участниками взаимодействия реальность и который, тем самым, порождает солидарность и символы членства в группе» [10, с. 31—32]. Общество сохраняет себя как единое целое в той степени, в которой ему удастся эффективно выполнять ритуалы, при этом результаты проведения ритуалов еще свежи в памяти и вызывают эмоциональный отклик.

Одним из наиболее значимых ритуалов сегодня являются выборы в органы власти и их главный компонент — мобилизационная повестка, т. е. комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащих аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами: бюджетом, назначениями, доступом к СМИ. Здесь мы опирались на подходы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [11, с. 101—102], и Дж. Голдстоуна, подчеркнувшего важность реконструкции групповых эмоций и интересов для прогнозов стабильности государственных институтов и организаций [12].

Таким образом, анализ мобилизационной повестки означает на первом этапе подсчет количества сообщений и числа высказываний (единиц наблюдений) и выделение в них программных и эмоциональных составляющих (единиц анализа) — на втором. Базовым методом сбора и обработки больших данных здесь выступает киберметрия, дающая возможность сбора и анализа неспровоцированных исследователем документов [13, с. 14]. При анализе текстового материала за основу были взяты принципы метода обоснованной теории [14, с. 52—119]. Процедура качественного анализа состояла из двух этапов: сведения текста к сегменту (код, цитата, высказывание) и поиска связей между различными смысловыми единицами. Значимыми были обозначение «аудитории обращения», наименование («земляки, друзья, жители...»), интерпретация смысла кода (о чем, собственно говоря, идет речь, что находится в фокусе внимания, с какими ценностями и нормами соотносится выступление, какой эмоциональный и рациональный месседж содержится и т. д.) и вывод, призыв к действию. Работа с визуальными образами и их интерпретацией велась на основе принципов, сформулированных П. Штомпкой [15], где главный исследовательский вопрос формулировался в духе Р. Барта: какой образ власти стоит за изображением?

Офлайн- и онлайн-события в городах Сибири: результаты анализа

В качестве источников данных и эмпирической базы для сделанных выводов мы опираемся на три кейса:

1. Ход и итоги голосования на выборах в горсоветы Новосибирска (в большей степени) и Томска, сопоставление биографий кандидатов, их мобилизационные повестки и интернет-активность.

2. Сбор и сопоставление новогодних обращений и выложенных в Интернет фото политиков в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерове, Новокузнецке, Абакане (около 30 новогодних текстовых и видеоматериалов, а также 600 фотографий). Эти города мы рассматриваем как «естественные лаборатории», с одной стороны, отражающие политические процессы на федеральном уровне, а с другой, — отличающиеся собственной локальной спецификой, связанной со структурой экономики, уровнем комфорта и потребления, перспективами для молодежи, городскими режимами, протестной активностью и особенностями конструирования

ния сообщений местными СМИ [16]. Ситуацию в них мы подробно изучали в течение последних шести лет. Новогоднее обращение выступает значимым ритуалом, символизирующим связь политического деятеля с населением, его видение настоящего, прошлого и будущего, что, безусловно, находит отражение как в тиражируемых текстах, так и в конструируемом визуальном образе.

3. Кейс «23 января», в основе которого лежит митинговый призыв лидера несистемной оппозиции А. Навального¹. Известные показатели митинговой активности (число вышедших и задержанных по исследуемым городам) дали возможность сравнить объемы и тональность интернет-полюмики представителей разных поколений и сопоставить эти результаты с реальным поведением. Для отбора данных мы использовали систему IQBuzz (по сибирским городам были отобраны и обработаны качественными методами более 150 текстов сообщений [17]).

Анализ результатов городских и областных избирательных кампаний по Томску и Новосибирску в 2020 г. показывает, что новое поколение миллениалов активно участвует в политике. Из победителей «советского поколения „бумеров“» (до 1967 г. р.) прошли всего 5 (выдвинуто 40 кандидатов) от поколения реформ (1968—1981 г. р.) — 25 (выдвинуто 106 кандидатов). Поколение миллениалов, выдвинувшее сопоставимое число кандидатов (109), представлено в горсовете Новосибирска 20 депутатами («Единая Россия» — 7, КПРФ — 6, ЛДПР — 1, оппозиционная коалиция «Новосибирск 2020» — 5, независимый кандидат — 1).

Проанализировав интервью с представителями разных поколений, отметим, что различия касаются скорее тональности сообщений. Представители старших возрастных групп больше внимания и времени уделяют опасностям и проблемам, связанным с властью чиновников-силовиков, алчностью и неконтролируемостью бизнесменов, ужасам национализма (где в качестве эталона выступает Украина, и фраза «я не хочу как...» регулярно повторяется в интервью). Миллениалы чаще озвучивают этические проблемы взаимодействия с людьми, не разделяющими их политические взгляды и ценности; в дискуссиях они сравнительно меньше используют образ врага с соответствующим набором ярлыков.

Все новогодние обращения можно разделить на две группы по типу мобилизационных повесток. В первом случае (характерном для представителей власти старшего возраста) новогодняя повестка как уверенность в будущем и оптимизм достигается за счет повторения фраз о победах в прошлом и перечисления некоторых желательных эмоций и коллективных трудовых достижений. В новогодних поздравлениях представители действующей власти обращаются к населению «как к равным», подчеркивая его «ценность» и значимость близкого социального и повседневного круга взаимодействия (семья, друзья), и далее начинают конструировать или обозначать «желаемые для себя» эмоциональные состояния.

Предлагаемые фотообразы политиков — это истории предельно индивидуального (даже не семейного) успеха в достижении власти и высокого уровня благосостояния. На подавляющем большинстве фото — герой в галстукe, в статусной одежде, иногда в окружении символов власти. На рис. 1 и 2 приведены примеры персональных страниц в «Инстаграме» представителей старшего поколения. На рис. 3 и 4 — персональная страница самого молодого губернатора в момент новогоднего обращения. Как видим, мобилизационные повестки, образы, представленные официальными политиками разных поколений, практически совпадают.

¹ С 9 июня 2021 г. Мосгорсуд признал экстремистскими организациями Фонд борьбы с коррупцией (ФБК, признан иноагентом) Алексея Навального, а также Фонд защиты прав граждан (ФЗПГ; юрлицо ФБК, признан иноагентом) и штабы оппозиционера.

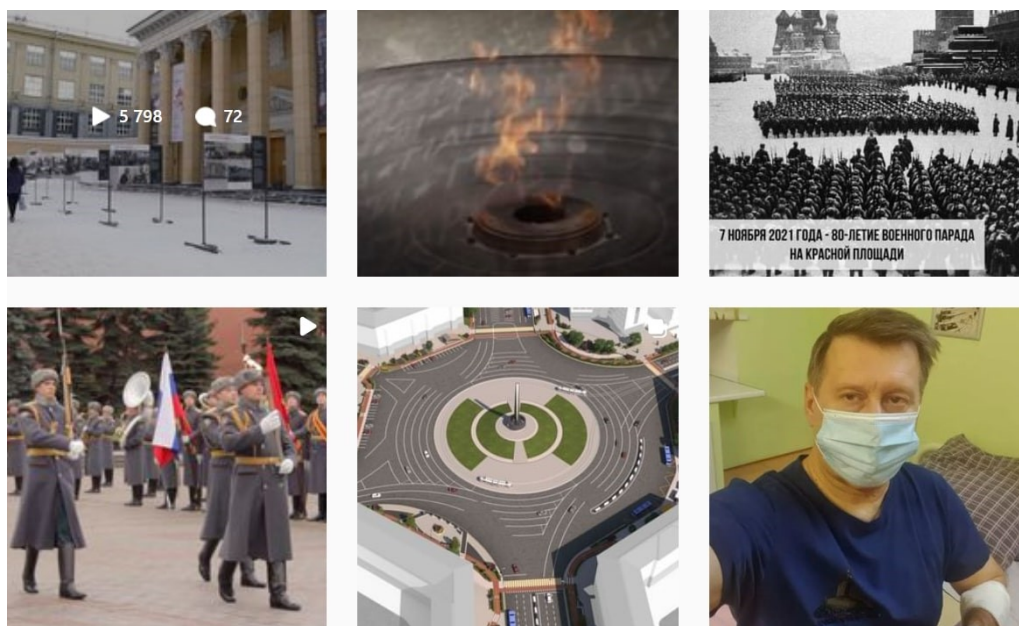

Рис. 1. Персональная страница мэра города (1959 г. р) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/a_lokot/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of Mayor (born in 1959) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/a_lokot/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

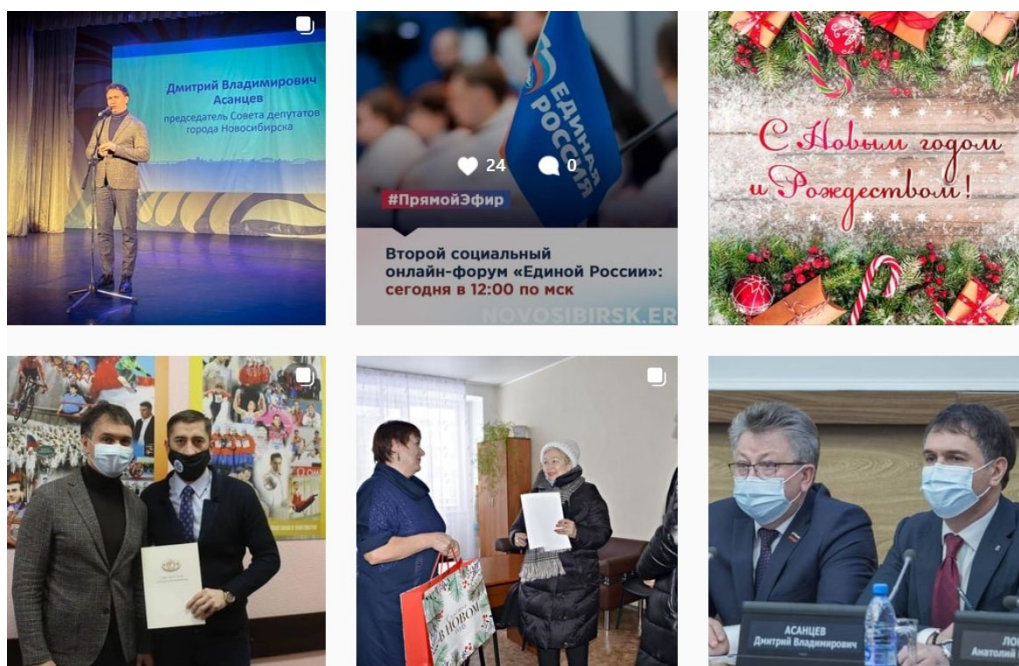

Рис. 2. Персональная страница депутата Горсовета (1968 г. р) (скриншот).
 URL: <https://www.instagram.com/asantsev.dv/> (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the City Council deputy (born in 1968) (screenshot).
 Available at: <https://www.instagram.com/asantsev.dv/> (accessed: 01.12.2021)

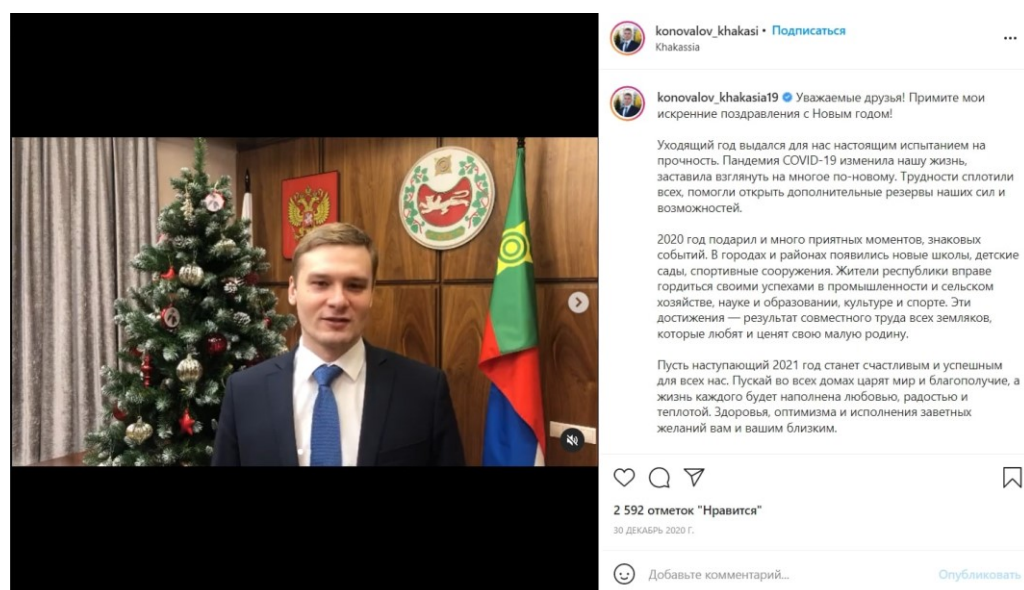

Рис. 3. Персональная страница губернатора региона (1987 г. р) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the regional governor (born in 1987) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

Рис. 4. Персональная страница губернатора региона (1987 г. р.) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the regional governor (born in 1987) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

Обращения более молодых и оппозиционных политиков сосредоточены на настоящем. Если представители власти говорят скорее о том, что должны переживать другие, то оппозиция, обращаясь к своим сторонникам, говорит о себе, своих планах, конфликтах, переживаниях и перспективах. В фокусе политического внимания — разрыв между желаемым и происходящим.

Концентрация на настоящем в этой повестке снимает необходимость точной артикуляции будущего, проговаривание испытываемых эмоций, локализация материальных проблем служат стимулом для объединения и участия в коллективных мероприятиях. Обычно визуальный ряд соответствует вербальному, декларируемые идеи и ценности отражены в фотосюжетах, в которых подчеркивается индивидуализм, свобода, спонтанность, диалог (рис. 5).

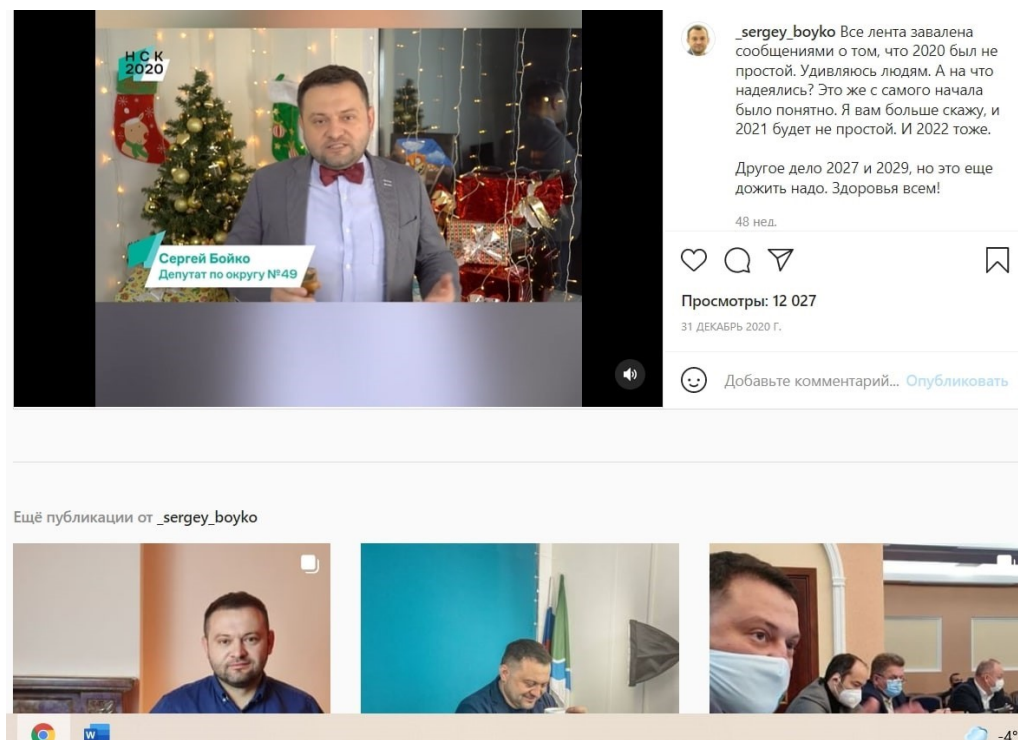

Рис. 5. Персональная страница депутата (1983 г. р) (скриншот).
URL: <https://www.instagram.com/p/CJd4x6PCzWT/> (дата обращения: 01.12.2021)
Personal page of the deputy (born in 1983) (screenshot).
Available at: <https://www.instagram.com/p/CJd4x6PCzWT/> (accessed: 01.12.2021)

На последнем этапе исследования мы обратились к способам сбора и обработки больших данных с помощью поисковой системы IQBuzz, созданной для отслеживания репутации в Интернете. Мы создали запрос, представляющий собой набор ключевых слов и хештегов (Свободу& Навальному Алексей&Навальный 23&января Навальный&живи Навальный #свободу-навалному #навальныиживи #митинг23января #протест), выбрали период с 20 по 26 января 2021 г. (три дня до митинга и три после) на русском языке по России и регионам, в которых расположены интересующие нас города.

23 января 2021 г. в 198 городах России и 95 городах за рубежом, по разным оценкам, в митингах приняли участие от 110 до 250 тыс. человек, в ходе протестов были задержаны четыре тысячи, среди них около 300 несовершеннолетних. Для нашего исследования важно знать, что часть информации (например, в сети «ВКонтакте» — 50 %) была заблокирована и удалена по требованию Генеральной прокуратуры, а потому система не учитывала ряд популярных ресурсов (например, «Фейсбук», «Твитер» и т. д.).

Общая тенденция исходя из найденных системой документов такова: чем больше сообщений, тем больше участников мероприятий, картина несколько иная в Томске, где сторонников митинга, судя по переписке, активно

блокировали. В каждом городе и регионе в фокусе внимания находилась своя группа проблем, своя мобилизационная повестка. В Новосибирске и Томске (соответственно 4 000 и 2 000 тыс. вышедших на митинг, 5 847 и 1 844 поста) доминировала агрессивная и уничижительная критика, направленная против сторонников митинга, немного разбавленная депутатскими постами с пафосной аргументацией. В Кемеровской области (данные по городам сильно расходятся — от 200 до 600 человек и 2 375 записей на регион) 23 января прошло под условным лозунгом «Защитим детей», и все усилия администрации и ее сторонников в цифровой среде были направлены на предотвращение гипотетического детского бунта. В Абакане (100 человек и 909 сообщений) представители старшей возрастной категории пытались пристыдить и осудить лидера оппозиции как нарушителя спокойствия, агента воображаемого Запада и т. д. В Барнауле (3 000 протестующих и 4 145 сообщений) критика протестующих велась в основном с классовых, марксистских позиций.

Во всех случаях в фокусе внимания была личность Навального. Ситуация и ее правовая оценка не рассматривались, содержательные дискуссии если и велись, то не набрали нужного числа участников, чтобы попасть в лидеры сообщений. Обычно тексты строились по общему алгоритму: оценка личности (герой или подлец); гипотетическая причина (возмущение несправедливостью и обличение сильных — отрабатывание денег хозяев); сторонники и их характеристики (честные бесстрашные граждане — молодые безмозглые сумасшедшие); оценка результата (неадекватные репрессии — наведение законного порядка). Особых различий в эмоциональной выразительности и аргументации авторов наиболее популярных постов, относящихся к разным поколениям, мы не обнаружили.

Результаты работы и выводы

Общие закономерности, выявленные западными учеными (в большей степени Р. Инглхардтом), действуют и в наших условиях. Тем не менее мы не обнаружили раскола, принципиального непонимания одним поколением другого, но нашли несколько различий, связанных прежде всего с более высокой самооценкой, потребностью в самовыражении и приоритете индивидуальных интересов у более молодых возрастных когорт, что можно подтвердить анализом мобилизационных повесток и наблюдениями за политической активностью молодежи в онлайн- и офлайн-среде. Итак, для миллениалов в большей степени, чем для старших поколений, близки следующие моменты: лидерство, визуализация контента, эмоциональность, экспрессия.

Лидерство. В большей степени для роста активности значима фигура воодушевляющего лидера, с которым возможно личное взаимодействие. Нет такого лидера — нет участия в политике; лидер как некоторая функциональная роль (руководитель) не воспринимается и отторгается.

Визуализация контента. Основой мобилизационной повестки выступают визуализированные высказывания. Посты и публикации миллениалов насыщены яркими образами. Типологизация проблем, логическая аргументация, уточнение понятий выполняют вспомогательную роль.

Эмоциональность. Совместно переживаемые эмоции важнее реализации групповых интересов, что делает эмпатию и эмоциональный интеллект одним из ключевых навыков для повышения организационной эффективности и существования групп, объединений. При этом, по некоторым наблюдениям, довольно значимым всегда выступает фактор монетизации усилий и знаний.

Экспрессия. Символически это достаточно радикальное поколение, границ приличия по отношению к оппонентам нет, переход на обценную лек-

сику в дискуссии происходит достаточно быстро, разрыв коммуникации как мера выяснения отношений с несогласными — обычная практика.

Поколенческий фактор выступает значимым, но не основным при конструировании мобилизационной повестки. Сопоставление собранных данных показывает, что политическая субъектность строится на основе места в системе власти, специфики региона (города) и только потом — на основе принадлежности к тому или иному поколению. Основные линии противостояния, разломы проходят между системными и несистемными политиками вне зависимости от поколенческой принадлежности. Занятие официальной «системной» политической позиции означает следование эмоциональным, рациональным и поведенческим паттернам в логике власти-контроля над происходящим, окружение себя символами, подчеркивающими государственную мощь. В отличие от выводов американских исследователей, отметим жесткую полемику между ровесниками, взаимные обвинения и практически полное отсутствие попыток найти некоторые точки соприкосновения в онлайн-дискуссиях.

В наиболее модернизированных и благополучных городах (здесь показательно Новосибирск и Томск) главным ограничителем несистемного претендента выступает не столько репрессивная активность властей и насилие (которое время от времени превентивно применяется к лидерам и активистам), сколько большее число конкурентов. В Кемеровской области со сложившимися авторитарными традициями управления официальная власть активно зачищает политическое поле от всех возможных оппонентов. В городах со сложной экономической ситуацией (Барнаул) при росте инициативы и активности оппозиции происходит обострение политической борьбы как в социальных сетях, так и на площадях, где молодежь играет весомую роль.

Рассматривая города как «естественные лаборатории», можно предположить усиление политической активности миллениалов в условиях экономического кризиса, падения уровня жизни и сужения каналов вертикальной мобильности. В этом случае наибольшие шансы на поддержку будут за политиками-популистами, строящими свои программы на основе идей национального превосходства и исключительности. Основанием для этого предположения выступают условия ранней социализации, где сочетаются детство в «лихие 90-е» с их комплексом проблем резкого расслоения относительно однородного советского общества, сменой культа труда и коллектива культом откровенного силового предпринимательства и юность в благополучных нулевых с распространением нарратива «суверенной демократии» и началом конструирования новых повествований о России как источнике альтернативного Западу культурного производства. В этом случае можно уверенно прогнозировать на всех уровнях рост трудноразрешимых конфликтов по ценностным и моральным основаниям.

Список источников

1. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. London : Vintage, 2000. 432 p.
2. Milkman R. A new political generation: Millennials and the post-2008 wave of protest // *American Sociological Review*. 2017. Т. 82. № 1. P. 1—31.
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2020. 400 с.
4. Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М. : Бомбора, 2020. 336 с.
5. Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 309—323. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (дата обращения: 14.04.2023).

6. Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1. С. 290—308.
7. Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 71—91.
8. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
9. Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 872 с.
10. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27—39.
11. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
12. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58—103.
13. Бродовская Е., Домбровская А. Большие данные в исследованиях политических процессов. М. : МПГУ, 2019. 120 с.
14. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
15. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учеб. / пер. с польск. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2007. 168 с. + 32 с.
16. Пустовойт Ю. А. «Борьба» и «согласие» как медийные конструкты: опыт комплексного анализа сообщений сибирских СМИ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. С. 290—298.
17. Пустовойт Ю. А. Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «Iqbuzz» (опыт анализа протестов в сибирских городах) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 102—116.
18. Акции 23 января. Главное. Мощное выступление регионов, три тысячи задержанных (это рекорд). И уже более 10 уголовных дел // Медуза¹. 2021. 24 янв. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvaryaya-glavnoe> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. London, Vintage, 2000, 432 p.
2. Milkman R. A new political generation: Millennials and the post-2008 wave of protest, *American Sociological Review*, 2017, vol. 82, no. 1, pp. 1—31.
3. Ingkharth R. Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir [Cultural evolution: how human motivations are changing and how this is changing the world]. Moscow, Mysl', 2020, 400 p.
4. Tvenge D. Pokolenie selfi. Kto takie millenialy i kak naiti s nimi obshchii yazyk [The selfie generation. Who are millennials and how to find a common language with them]. Moscow, Bombora, 2020, 336 p.
5. Popov N.P. Rossiiskie i amerikanskoe pokoleniya XX veka: otkuda prishli millenialy? [Russian and American generations of the 20th century: where did millennials come from?], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social change], 2018, no. 4, pp. 309—323. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (accessed: 14.04.2023).
6. Anipkin M.A. Pokolenie «lishnikh lyudei»: antropologicheskii portret poslednego sovetского pokoleniya [Generation of "superfluous people": an anthropological portrait of the last Soviet generation], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Untouchable stock. Debates on politics and culture], 2018, no. 1, pp. 290—308.
7. Sokolov M.M. Pokoleniya vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaya revolyutsiya v Rossii [Generations instead of classes? Age and the consumer revolution in Russia], *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2019, vol. 31, no. 1, pp. 71—91.
8. Radaev V. Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow, Publ. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 224 p.
9. Levada Yu. Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya [Time of change: subject and position of the researcher]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 872 p.
10. Kollinz R. Programma teorii rituala interaktsii [Interaction ritual theory program, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 1, pp. 27—39.

¹ С 23 апреля 2021 г. издание «Медуза» должно ставить дисклеймер: данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

11. Tilli Ch. Ot mobilizatsii k revolyutsii [From mobilization to revolution]. Moscow, Publ. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 432 p.
12. Goldstoun Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [Toward a fourth-generation theory of revolution], *Logos [Logos]*, 2006, no. 5, pp. 58—103.
13. Brodovskaya E., Dombrovskaya A. Bol'shie dannye v issledovaniyakh politicheskikh pro-tsessov [Big Data in political process research]. Moscow, MPGU, 2019, 120 p.
14. Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 256 p.
15. Shtompka P. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiiya kak metod issledovaniya [Visual Sociology. Photography as a research method], ucheb. Moscow, Logos, 2007, 168 p. + 32 p. (in Russ.)
16. Pustovoyt Yu. A. «Bor'ba» i «soglasie» kak mediinnye konstrukty: opyt kompleksnogo analiza soobshchenii sibirskikh SMI ["Struggle" and "consent" as media constructs: experience of complex analysis of Siberian media messages], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, 2021, vol. 20, no. 6, pp. 290—298.
17. Pustovoyt Yu. A. Mobilizatsionnaya povestka pokolenii v zerkale sistemy «Iqbuzz» (opyt analiza protestov v sibirskikh gorodakh) [Mobilization Agenda of Generations in the Mirror of the "Iqbuzz" System (Experience of Protest Analysis in Siberian Cities)], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of political research]*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 102—116.
18. Aktsii 23 yanvarya. Glavnoe. Moshchnoe vystuplenie regionov, tri tysyachi zaderzhannykh (eto rekord). I uzhe bolee 10 ugolovnykh del [Stocks on Jan. 23. Main point. Powerful performance of the regions, three thousand detained (it's a record). And already more than 10 criminal cases], *Meduza [Meduza]*, 2021, 24 yanv. Available at: <https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvarya-glavnoe> (accessed: 01.11.2021).

Информация об авторе

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения проблем современной молодежи», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель проекта «Интернет как комсомол. „Бумеры“ и „миллениалы“: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» (20-011-31355), Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Information about the author

Yuri A. Pustovoyt — Candidate of Political Science, leading researcher of the research laboratory “Center for the Study of Contemporary Youth Problems”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, head of the project “Internet as Komsomol. "Boomers" and "Millennials": peculiarities of construction, discussion and implementation of mobilization agenda (experience of comparative analysis of political identity formation in Siberian cities)”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.